

Весной 1999 года с трибуны Всероссийского театрального форума ряд уважаемых режиссеров выступили с предложением открыть в Москве одну или несколько площадок, где могли бы играть антрепризы. Намерения были благие: увеличить количество спектаклей, приобщить как можно больше людей к театру, создать дополнительный источник доходов актерам. По прошествии 5 лет

можно смело утверждать: театральная антреприза в столице состоялась. Но каковы ее плоды? Что несут коммерческие спектакли зрителю — высокое искусство или пошлость? Сложившуюся ситуацию мы решили обсудить с популярным актером, главным режиссером Театра на Малой Бронной Львом ДУРОВЫМ и известным театральным критиком Борисом ПОЮРОВСКИМ.

МОСКВИЧКА. — 2004. — ЯНВ. (№ 3). — С. 3

Лев ДУРОВ:

Я никогда не пытался шокировать публику «сисечками-писечками».

Дуров Лев Константинович, (1931-01-04) (Янв)

Виктор БАРУЛИН, обозреватель «М»: Недавно прочитал любопытное высказывание Галины Волчек, имеющее самое непосредственное отношение к обсуждаемой нами теме. Главный режиссер театра «Современник» заявила следующее: «Антреприза испортила зрителю вкус, растлила мозги... Ею стали пользоваться как инструментом для уничтожения репертуарного театра». Как оцениваете вы это явление в театральной жизни столицы?

Лев ДУРОВ: Я думаю, Галина Борисовна немножко драматизирует положение. Антреприза антрепризе рознь. Да, это дело коммерческое, но, как и в репертуарном театре, есть спектакли замечательные, есть плохие. Мне однажды довелось видеть антрепризу, во время которой возмущенные зрители уходили из зала, демонстративно хлопая дверью. Но вы придите на «Афинские вечера», где ваш покорный слуга играет вместе с Ольгой Александровной Аросевой, Ириной Савиной из Театра им. М. Ермоловой. И увидите, что это замечательный, чистый спектакль, достойный любой сцены.

Борис ПОЮРОВСКИЙ: Лев Константинович прав: антреприза не всегда нацелена только лишь на выкачивание денег. Олег Меньшиков блестяще поставил «Горе от ума». Более сложной постановкой для театра невозможно придумать. 20 с лишним действующих лиц, среди которых только одна звезда — сам Меньшиков. Тем не менее спектакль шел в течение нескольких сезонов при переполненном зале. Это, конечно, исключительный пример. Ведь что такое антреприза? Минимум декораций, действующих лиц, причем непременно актеров с именем. Но чем тогда отличается от антрепризы репертуарный театр, который при полном составе труппы приглашает звезд со стороны? Тех, кто не сходит с экрана ТВ? Представьте, что будет твориться на подступах к театру, если поставить «Анну Каренину» и на главную роль пригласить Аллу Борисовну Пугачеву, а на роль Вронского — Филиппа Киркорова. Да никакая конная милиция не справится с наплывом зрителей! Аншлаги обеспечены, но репертуарный театр таким образом рубит сук, на котором сидит.

Л. Д.: Раньше ходили на режиссеров: на Эфроса, на Любимова, на Ефремова. Теперь идут на актеров. Ничего не поделаешь, таково требование публики и веление нашего рыночного, точнее сказать, базарного времени. Нравится ли мне такое положение дел? Нет, не нравится. Потому что можно поставить великолепный спектакль с глубоким художественным смыслом, но народ, не обнаружив в афише известных имен, на премьеру не пойдет. Это горе и театра, и зрителей.

Б. П.: Лева, милый, нынешнее «базарное» время тут не причем. Еще в 1972 году я напечатал в «Московской правде» статью с длинным названием «Современный театр — это ансамбль единомышленников или собрание популярных артистов кино?». Когда пришел сюда, в Театр на Малой Бронной на сдачу какого-то спектакля, меня позвал к себе в кабинет Анатолий Васильевич Эфрос, с которым у меня были очень хорошие отношения, и сказал: «Что вы наделали? Вы же всю свору актеров выпустили против меня, Ефремова, Любимова». — «Почему?» — недоуменно спросил я. «Понимаете, главную роль у меня репетировал Михаил Александрович Ульянов. Теперь мне придется отдать ее другому артисту, из моего театра». — «Но он же здесь служит всю жизнь и на эту роль имеет полное право. Ведь никто не позовет его играть в Театр Вахтангова вместо Ульянова». — «Зато участие в постановке Михаила Александровича значительно повысило бы к ней интерес». Так что привлечение артистов-звезд началось не сегодня.

В. Б.: Лично я не вижу в этом ничего плохого. Другое дело, когда ради увеличения кассовых сборов «привлекают» вульгарность, пошлость. И коммерческие спектакли грешат этим в большей степени, нежели постановки репертуарных театров. Антреприза превращается в какую-то «антрешизу» на потребу той части публики, которая искренне недоумевает, зачем нужно отключать мобильные телефоны во время спектакля.

Л. Д.: Когда слышу сегодня: пусть молодежь узнает мат со сцены, а не в подворотне, — меня

коробит. Что тогда мы оставим своим потомкам? Достоевского, Толстого, Чехова или только одни комиксы? Вернемся в пещеру, сядем вокруг костра и замычим — многие деятели призывают именно к этому, потому что так выгодно. Но не понимают, что, набив таким образом свои карманы, они опускают нацию. Как противостоять культурному, нравственному падению? Знаю: делать свое дело. Если ты уверен в

ли в гости чешские актеры, муж и жена. Они ушли на кухню готовить ужин, а нам включили видео, которое в Союзе было тогда еще в новинку. Думаете, что поставили? Порнографию. Через пять минут мы стали орать в один голос: «Хотим «Чапаева!»», — чем очень перепугали приветливых хозяев.

В. Б.: Руссо артисто, облик морале!

Л. Д.: Дело не в этом. Все мы прекрасно понимаем, что любовь — это не только прогулки за ручку по скверу, но и «сплетенье рук, сплетенье ног». Когда же это высокое чувство подменяется мясной лавкой, то впе-

В. Б.: Может, это просто способ самовыражения, самоутверждения? Чтобы заявить о себе, молодые режиссеры, драматурги порой прибегают к революционным приемам, ниспровергая традиции и классиков. Когда пена схлынет, глядишь, обнаружатся настоящие творческие открытия.

Л. Д.: Восемь голых мужиков ходят по сцене и кроют всех матом — ах, какие колоссальные открытия! Я никогда не был ретроградом, но новое не всегда сразу принимал. Хорошо помню впечатление, которое произвел на меня «Добрый человек из Сезуана» в Театре на Таганке. После первого акта вышел из зала, признаться, в некотором недоумении. Но когда спектакль закончился, я, потрясенный, понял, каким открытием стала для меня премьера Юрия Петровича Любимова.

В. Б.: В последнее время многих «трясет» от отечественной эстрады, бесконечных «аншлагов». Утиг включишь — а там Петросян, Дубовицкая или Верка Сердючка. Но что удивительно: ТВ-рейтинги этой безвкусицы на порядок выше, чем у программ «Культуры».

Б. П.: Ничего удивительного здесь нет. Это насаждается как эталон вкуса в стране, которая на Новый год обсуждает одну тему: существуют ли интимные отношения между примадонной эстрады Пугачевой и восходящей звездой Максимом Галкиным? Посмотрите на лица в зале, как они смеются над сравнением культуриста с трехстворчатым шкафом, из которого вывалился маленький ключик.

Л. Д.: Полная деградация. Мы застали ту, высокую советскую эстраду с Аркадием Райкиным, Марией Мироновой и Александром Менакером, Нико-

ПУГАЧЕВУ НА РЕЛЬСЫ

или Антреприза и «антрешиза»

сти своей художественной, творческой позиции, — умри, но не уступай. Я никогда не пытался шокировать публику «сисечками-писечками». Мои спектакли ничего, кроме доброты, света, улыбки или грусти, не несут.

Б. П.: Раньше находилось под запретом то, что было можно. Теперь можно и то, что нельзя. Я знаю много хороших актеров, писателей, художников, которые видят назначение искусства в том, чтобы эпатировать, шокировать публику. Отсюда появляются на антрепризных афишах названия типа «Трое в одной постели», «Кто сверху: она или он?».

Л. Д.: Эпатаж ничего, кроме нервного вздерга, родить не может. Однажды мы с Андреем Мироновым были на съемках в Праге. Нас пригласи-

ление ужасающее. Я потом месяца полтора не мог подойти к женщине.

Б. П.: В чем наше несчастье? Сегодня мы культивируем невежество и, самое страшное, рассекаем историю русской культуры. Попробуйте в Англии сказать, что Шекспир устарел, или во Франции — что не нужен Мольер. Это их национальное достояние. А мы запросто ставим под сомнение Пушкина, Чехова. Это тот же атеизм, только в культуре.

лаем Смирновым-Сокольским, Риной Зеленой, Борисом Бруновым, Клавдией Шульженко, Лидией Руслановой. Было за счастье попасть на их концерт в Дом Союзов.

Б. П.: Раньше этот жанр поднимал культурный уровень зрителей, теперь же сам опустился ниже пояса. Не могу сказать, что театр лишен этой заразы. Но эстрада — она вообще развязанная. Развлекая, развращает. А маленькая безвкусица на сцене в жизни превращается в серьезную опасность. Мерилом подлинно художественного спектакля, концерта должно быть одно-единственное: чтобы хотя бы на эти два часа зрителям захотелось стать чуточку лучше.

Подготовил Виктор БАРУЛИН
Фото Николая ОРЕШИНА

Борис ПОЮРОВСКИЙ:

Жанр эстрады сегодня опустился ниже пояса.